

ВОСПРИЯТИЕ, ЗНАНИЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК*

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: kusliy@iph.ras.ru

Микиртумов Иван Борисович – доктор философских наук, доцент, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

В этой статье мы хотим обосновать продуктивность эпистемологических исследований на стыке семантики и прагматики языковых явлений и анализа восприятия. Мы кратко характеризуем историю сближения этих направлений исследования, в центре которой, как нам кажется, находится фигура Лейбница. Мы анализируем общую проблематику столкновения языка и восприятия, а также затрагиваем частный вопрос, а именно семантику визуальных образов. Мы приходим к следующим выводам. Во-первых, в значении сингулярного термина языка и в восприятии его десигната наблюдается одинаковое соотношение между непосредственно данным в чувстве и концептуальным. Характер восприятия есть часть прагматики термина, которая задает условия семантической интерпретации. Во-вторых, там, где обновление концептуального содержания терминов языка, или их теоретической «нагруженности», опережает по своей скорости обновление чувственного материала восприятий, возникают феномены с минимальным концептуальным содержанием. В языке им соответствуют сингулярные термины, возникающие в актах именования наличных вещей. Семантический и прагматический анализ языка позволяют указать соответствующий набор явлений благодаря стоящим за языком универсальным формальным структурам и механизмам. Результатом становится относительное обособление чувственных данных от концептуальных схем, место которых занимают эмпирические условия восприятия.

Ключевые слова: естественный язык, восприятие, концептуализация, семантика, прагматика, визуальное

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

PERCEPTION, KNOWLEDGE, AND NATURAL LANGUAGE

Petr S. Kusliy – Csc
in Philosophy, Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization “Russian Society
for History and Philosophy of
Science”.
1/36 Lyalin Lane, bd. 2,
105062, Moscow,
Russian Federation;
e-mail: kusliy@iph.ras.ru

Ivan B. Mikirtumov – Dsc
in Philosophy, Associate
Professor, Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization “Russian
Society for History and
Philosophy of Science”.
1/36 Lyalin Lane, bd. 2,
105062, Moscow,
Russian Federation;
e-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

In this paper, we would like to argue in support of the productive-ness of epistemological investigations at the interface of the semantics and pragmatics of natural language and the analysis of perception. We begin with a short overview the history of convergence of these two areas of research. Leibniz is the center of this historical discussion. We identify the general problems that arise when language meets perception and discuss some recent research in the semantics of pictures. We arrive at the following conclusions. First, the reference of a singular term and the perception of its denotation involve the same relation between the conceptual and what is immediately given in perception. The specifics of perception make up a part of a singular term's pragmatics determining the conditions of a semantic interpretation. Secondly, phenomena with minimal conceptual content arise whenever the update of the conceptual content of linguistic expressions (or the update of their theoretical component) is faster than the update of the sensory material of perception. In the realm of language, these phenomena are related to the appearance of singular terms that become the result of acts of naming singular objects. The semantic and the pragmatic analysis of language identifies the relevant phenomena by revealing the universal formal structures and mechanism within language and its use. The result is an isolation of sensory data from conceptual schemes. Their place is taken by the empirical conditions of perception.

Keywords: natural language, perception, conceptualization, semantics, pragmatics, the visual

«При всяком соприкосновении с вещью... она [душа] всем своим существом приходит в движение и выражает в слове, чему данная вещь тождественна и для чего она иное... если оно [слово] изрекается о том, что ошутимо и о нем по всей душе космоса возвещает правильно движущийся круг иного, тогда возникают истинные и прочные мнения и убеждения» (*Plato, Tim. 37 b-c*) [Платон, 1971, с. 476].

«Философия написана в величественной книге (я имею в виду Вселенную), которая постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто сначала научится постигать ее язык и толковать знаки, которыми она написана. Написана же она на языке математики, и знаки ее – треугольники, круги и другие геометрические фигуры, без которых человек не смог бы понять в ней ни единого слова; без них он был бы обречен блуждать в потемках по лабиринту» [Галилей, 1987, с. 41].

В этой статье мы хотим объяснить, что делает эпистемологические исследования на стыке семантического и прагматического анализа языка и когнитивной психологии восприятия актуальными и продуктивными. Вопросы о языке и о восприятии равно необъятны как по своему содержанию, так и по накопленным научным данным, и мы ни в коем случае не претендуем на их сколько-нибудь полный охват. Весьма разнообразна и проблематика, заставляющая обращаться одновременно к языку и к восприятию. В этом читатель сможет убедиться, познакомившись с материалами предлагаемого номера «Эпистемологии и философии науки». Задача нашей статьи – указать на некоторые существенные взаимосвязи между языковыми явлениями и восприятием. В первой части мы формулируем общие положения, во второй – останавливаемся на связанном с темой панельной дискуссии вопросе о семантике визуальных восприятий.

От критики восприятия к программе формализации языка

Эпистемология обращается к анализу и критике восприятия с первых своих шагов. Платон, говоря о восприятии как о претерпевании души, вызванном воздействием материальных вещей, ставит под вопрос и надежность воспринимаемого, и надежность восприятия, а Аристотель в своей теории знания отталкивается от восприятия первых сущностей, механизм которого, хотя и не свободен от ошибок, дает человеку вполне надежные сведения. Здесь сформулирована дилемма между принципиальным недоверием ко всему материальному и попыткой выявить причинные связи между вещами и состояниями сознания. Следующий шаг сделали древние скептики, поставившие вопросы о том, существует ли то, что является нам в статусе воспринимаемого, и существует ли что-нибудь, не будучи воспринимаемым.

Теория познания Нового времени работает с этими старыми идеями, но в ней не без влияния герметической магии Ренессанса возникает эмпиризм. Он ведет полемику с опирающейся на позднюю схоластику метафизикой разума, а также со скептицизмом, в новых изводах которого античная традиция дополняется критической установкой просвещенческого «здорового смысла». По именам Декарта, Локка, Беркли, Юма, Рида, Лейбница, Канта, Кассирера, Гуссерля можно проследить основные вехи дискуссии о том, надежны ли предметы восприятия и надежно ли само восприятие как способность, обеспечивающая связь миров материальных вещей и нематериальных идей. Метафизика и эмпирическая психология на каждом шагу переплетаются [Васильев, 2010, с. 491–493], возникающая наука все больше

и больше теснит философию, и сегодня исследование восприятия лежит на стыке между философской рефлексией и когнитивистикой, повсеместно требуя учета данных, поставляемых, с одной стороны, естествознанием (нейрофизиологией) [Nanay, 2010], а с другой – социальными науками [Noë, 2004].

Вопрос о языке, как и вопрос о восприятии, лежит на пересечении нескольких областей знания: философия языка, историю которой можно вести от Демокрита и Платона [Верлинский, 2002], понимаемая как его критика разумом, рефлектирующим свои сигнификативные акты и ищущим надежный путь от слов к вещам, уже в конце XIX в. соединяется с лингвистикой, эмпирически исследующей языковую практику, а также с формальными семантикой и прагматикой.

Современные исследования языка в контексте эпистемологии имеют, как нам кажется, два основных мотива. Первый предполагает своего рода разоблачение языка как инструмента навязывания вещам ложного или тенденциозного смысла. Эта подозрительность по отношению к языку связана с социально-политическими потрясениями XX в. и прослеживается от «Логико-философского трактата» Витгенштейна к «Новой риторике» Перельмана и Ольбрехтс-Тытеки, а затем к «Археологии знания», «Речи и истине» Фуко, к теориям дискурса и деконструкции, к борьбе с «диктатурой означающего».

Более нейтральный аспект подозрительности обсуждается в эпистемологии и в философии науки как вопрос о том, как фоновое концептуальное знание, которое несет с собой естественный язык, префигурирует результат восприятия, а также создает или разрушает саму возможность восприятия и «невосприятия». Эта тема разрабатывается на стыке социологии знания и языковой прагматики, где на первом плане оказываются отношения между эмпирическим субъектом, языком и коммуникативной практикой, способы экспликации в языке установок сознания, содержание которых ведет не к минимально нагруженному восприятию и не к его исчерпывающей детерминации концептуальной схемой, но к семантической и прагматической онтологиям, позволяющим увидеть указанную оппозицию благодаря динамике содержаний [Тюе, 2006; Пономарёв, 2019].

Второй мотив связан с поиском совершенного языка [Эко, 2018] в том математическом изводе, который он получил у Лейбница. Его проект формализации языка науки, а затем и языка естественного должен был создать эффективный инструмент не просто для выражения и передачи знаний, но и для их открытия. Фреге пытался реализовать эту идею в основаниях математики как программу логицизма, и она же стала основой его семантических исследований. Они были продолжены Расселом, Витгенштейном и ранними аналитиками применительно к естественному языку, а философы Венского кружка выдвинули вполне лейбницеанскую программу построения

формализованного языка науки. Эти направления представляют своего рода логическую философию, развитие которой в дальнейшем связано с именами Крипке, Хомского, Монтегю, Каплана, Льюиса. В последние три десятилетия соответствующие концепции и методы получают воплощение в формальных семантических и прагматических исследованиях [Бах, 2009; Potts, 2009; Долгоруков, Зевахина, Попова, 2020], отстоящих уже очень далеко как от философии языка, так и от классической лингвистики. Но здесь ведется работа над одной из задач программы Лейбница, а именно над формализацией естественного языка. В своем утопическом пределе она предполагает построение алгоритма (программы), позволяющего машине участвовать в языковой коммуникации наравне с человеком.

Речь идет не об искусственном разуме, но о дискурсивно адекватном автомате. Распознавание и синтез речи, машинный перевод сегодня уже привычны, они реализованы структурно-лингвистическими и корпусными методами, т.е. алгоритмизацией синтаксиса и учетом статистики использования слов и словосочетаний в живом языке. Программа Лейбница требует, однако, большего, а именно соотнесения выражений языка со структурированной картиной изменяющейся реальности. Лейбниц полагал, что связь ощущаемой вещи и понятия в уме верифицируется «естественным светом» разума и не бывает ложной, поэтому с вещами можно сопоставить «характеры», т.е. знаки, кодирующие их существенные черты и становящиеся элементами формул, выражающих состояние мира в некоторый момент времени – «универсальную характеристику». Знаменитая «универсальная наука» (*mathesis universalis*) оперирует этими характеристиками и воспроизводит то, как Бог знает мир в его движении. Человеческий же разум, открывший в лице Галилея связь математики и материального мира, бесконечно постигает эту науку, имея дело каждый раз лишь с ее фрагментами. Если это верно в отношении всего материального, то подлинно научное естествознание должно, по Лейбницу, быть частью универсальной науки, т.е. его предмет должен представлять как совокупность характеров, а явления – как математически вычислимые изменения состояния. Лейбниц проектировал естествознание как «слепое знание» или прикладную математику, а в пределе такой формализации оказывается всякая наука вообще, даже философия, где споры однажды станут разрешаться призывом «Давайте посчитаем!» [Лейбниц, 1984, с. 497].

Однако применение математики в других науках эффективно лишь там, где, говоря словами Аристотеля, она использовалась приходящим образом, т.е. для выражения отношений исчислимых свойств вещей. Лишь естествознание XX в. приходит к «элементам», в полной мере годящимся на роль лейбницева «характеров», т.е. постижимым как ноумены и недоступным никакому восприятию: квантовые явления, свойства частиц, полей, молекулярных структур

и многое иное получают описание в виде набора численно измеримых свойств, каковы масса, заряд и пр. Но, кажется, с естественным языком не происходит ничего подобного, использование сотен языков миллиардами людей выглядит как языковая стихия. Как же становятся возможными даже те весьма далекие от лейбницевского идеала результаты формализации языка, которыми мы располагаем? С чем связана эффективность точных методов в работе с языком?

Надежными ответами на эти вопросы мы сегодня не располагаем, но, оставляя в стороне утопии формализации и совершенного языка, мы можем констатировать, что, как это показывают исследования семантики и прагматики, за языковой практикой стоит формальная онтология, в которой отражены общие свойства вещей и агентов, возможных миров и ситуаций, коммуникативных целей и контекстов. Вместе с ними даны и аподиктические логические формы, предписывающие правила, по которым вычисляется значение выражений. Эти общие свойства и правила концептуализируются как теории объекта, агента, возможного мира, ситуации, коммуникативной цели, контекста, логической формы, умозаключения, смысла и значения. Познание их предметов сродни познанию математическому, поскольку разные эмпирические языки опираются на одни и те же структуры и вычислительные операции, но исследование языка остается и эмпирическим, поскольку языковые явления существуют в коммуникативной практике.

Язык в своем функционировании овнешнен, хотя детерминирующие его когнитивные процессы доступны в лучшем случае лишь интроспекции. Самые же базовые языковые явления сопряжены с непосредственным восприятием материальной вещи, в частности, в акте указания на нее и в ее именовании, когда некоторый материальный объект становится знаком для другого и приобретает в связи с этим концептуальное содержание – смысл. Здесь возникает двойственность: воспринятое существует здесь и теперь, а знак и его смысл функционируют в системе языка за пределами конкретной ситуации.

Применительно к восприятию такого рода двойственность выражается в том, что переживания восприятий субъективны, их качества весьма плохо сообщаемы, тогда как концептуальное содержание объективно и хорошо сообщаемо, а в некоторых случаях объективен и предмет. При этом в восприятии материал чувств концептуализируется смыслом языкового означающего, а там, где в языке при установлении отношения именованного появляется актуально воспринимаемый предмет, он может стать десигнатом выражений языка, почти не имеющих концептуального содержания, т.е. наделенных одной только референциальной функцией. Можно сказать, что минимуму концептуального в языке соответствует минимум концептуального в восприятии, как, например, это имеет место при использовании демонстратива «этот» для указания на наличествующий в ситуации

произнесения предмет, возможно вовсе не знакомый. И, наоборот, максимум концептуального в языке, возникающий, например, при именовании фиктивных объектов или указании на контрфактические события, соответствует и максимуму концептуального в восприятии, которое в таких случаях может обходиться минимумом материала чувств, например, даже не воображаемыми объектами, а воображаемыми актами восприятий.

Феноменальный опыт восприятия определяет эмпирическое наполнение формальной онтологии языка. Предмет восприятия может быть дан в модусах (1) актуально воспринимаемого, (2) отсутствующего в текущем восприятии, но доступного ему потенциально, (3) воображаемого, фиктивного объекта, (4) объекта, присутствующего в воображаемом акте восприятия. Модус актуального восприятия фундирует все прочие. Язык способен отражать изменение как модальности восприятия, так и его содержания, когда одно модифицируется другим. В некоторых коммуникативных ситуациях происходит своего рода конкуренция содержаний, отражающих перспективы, в которых видят мир разные субъекты.

Указанным модусам соответствуют и специфические языковые средства. На актуально воспринимаемое можно указать посредством демонстратива («это», «то») или референциально употребленной дескрипции («человек в шляпе»), то, что было доступно ранее или доступно потенциально, можно обозначить именем собственным, воображаемый объект можно обозначить демонстративом или именем собственным, только если специально артикулированы обстоятельства именования (возможный мир и ситуация), наконец, самая слабая степень данности вещи в восприятии эквивалентна ее простому описанию («то, что обладает свойством Р»). Чисто семантически произвести идентификацию значения так, чтобы однозначно указать на конкретный модус данности, невозможно, поэтому семантика должна быть дополнена прагматикой [Schwager, 2012; Yalcin, 2021], задача которой – показать обстоятельства употребления имени, т.е. то, с какой коммуникативной целью оно связано. Например, при конвенциональном употреблении имени собственного предполагается некоторая история. Она начинается с акта именования прежде безымянного объекта и продолжается использованием имени. В случаях, когда два разных объекта получают одно имя собственное и требуется одновременно именовать их в дискурсе, пользователи языка применяют специальные инструменты, например называя одного младшим, а другого старшим, одного – большим, другого – маленьким и т.д. Конвенция об использовании собственных имен основывается на теории объекта, согласно которой он до некоторой степени остается «тем же самым» на протяжении своего существования в разных мирах. Такое отношение называется идентификацией в возможных мирах, или кросс-идентификацией, и здесь постоянство имени ограничено

постоянством некоторых существенных свойств объекта – разных для объектов разных видов и в разных ситуациях. Так описывается семантическое значение имени собственного. Поскольку сингулярные термы используются для обозначения объектов, с которыми возможен непосредственный когнитивный контакт, идентификация объекта – это всегда практическое действие, в котором можно ошибиться, приняв один объект за другой и применив имя этого последнего.

Так открывается аспект прагматики именованя. Ошибка в нем есть отклонение от семантического значения, но участники коммуникации, не зная об этом, могут использовать неверное имя без ущерба для своих целей. В литературе не одно десятилетие обсуждается группа примеров, по-разному открывающих эту проблему, хотя ее убедительного решения в семантике или же в прагматике до сих пор не получено. Классический пример Сола Крипке таков [Kripke, 1977]. Если говорящий принял Джонса, собирающего листья, за Смита и просит окружающих передать «вон, Смиуту», что его просят зайти к главному садовнику, то неверное именоване, во-первых, не выполнит коммуникативной задачи, т.е. настоящий Смит не получит нужную информацию, во-вторых, приведет к тому, что Джонс отправится в контору, где его не ждут. Только если отношение именованя будет использовано явно и Джонс получит сообщение: «Мистер Смит, Вас ждут в конторе», ошибка обнаружится и реализация коммуникативной цели будет продолжена в поисках Смита. В другой же ситуации неверное именоване ничему не повредит. На вопрос: «Когда можно будет выводить детей на прогулку?» – говорящий даст ответ: «Когда Смит сгребет все листья», так что верная информация будет получена. Чтобы и в этом случае нарушилась успешность коммуникации, следует принять сценарий, согласно которому Смит – садовник, а Джонс – частный детектив, который ведет наблюдение и только делает вид, что сгребает листья, а на самом деле перемещает их с одного края площадки на другой. В этом случае либо дети на прогулку так и не выйдут, либо воспитатели попросят Джонса все-таки завершить свою работу. Если он намерен изображать садовника до конца, то успех коммуникации будет достигнут. Эти три сценария показывают, что, помимо семантической корректности употребления сингулярных термов, необходимо учитывать их коммуникативную успешность. В тех случаях, когда отношение именованя не вербализуется и незначимо, референция говорящего срывает. Отсюда следует, что отношение именованя является специфической установкой, фактором прагматики, который может быть артикулирован в контексте при необходимости достижения коммуникативного успеха.

Семантика и прагматика языка задают, таким образом, систему координат, в которой можно увидеть соотношение переживания и концептуализации во всяком конкретном восприятии. Это становится возможным потому, что языковая практика отталкивается от соотношения

знака с воспринимаемым в опыте, интерпретация же опирается на аподиктические структуры, единообразно обрабатывающие языковой материал и способ его использования в коммуникации, вследствие чего становятся видны различия в природе воспринимаемого и характер восприятия.

Язык, будучи носителем систем объективных значений, с одной стороны, в известной степени влияет на содержание восприятий, с другой – отражает их когнитивные механизмы, которые при интерпретации выражений становятся явными. Взаимосвязи первого рода становятся предметом анализа и критики языка в модусе подозрительности, их конкретный эффект может быть уничтожен, а влияние ослаблено посредством распространения критической установки. Взаимосвязи же второго рода существуют вне социокультурной детерминации и дают нам относительно надежные данные о базовых свойствах вещей и явлений.

Визуальный образ и перспективность как компонент значения

Одним из ключевых понятий, связывающих семантику естественного языка и семантику визуального образа, является понятие перспективы. Она определяется как точка зрения, или совокупность концептуальных и эмпирически выработанных установок, влияющих на интерпретацию языкового выражения или визуального образа. Не всякое выражение чувствительно к перспективному компоненту, но в современной философии языка исследуется множество видов выражений, для которых перспектива даже детерминирует интерпретацию и в конечном счете определяет референт выражения.

К числу таких выражений относятся, например, так называемые индексикалы, семантика которых была достаточно давно исследована (помимо прочих) в работах Перри [Perry, 1973] и Льюиса [Lewis, 1979]. Так, например, Перри указывает, что предложения типа «Перри думает, что у Перри из пакета высыпается сахар» могут иметь два прочтения. При первом сам Перри не готов сказать: «У меня из пакета высыпается сахар», т.к., видя в зеркале человека, у которого из пакета высыпается сахар, он не понимает, что видит свое отражение. Льюис предложил семантику для подобных сообщений, описывающих верования, причем вложенное предложение обозначает не пропозицию, а свойство некоторого объекта. Выражения типа «слева от», «перед» также подразумевают наличие перспективы, ибо, как известно, то, что находится слева от одного наблюдателя, может быть справа от другого. Предикаты личного вкуса, временные

морфемы, свободная косвенная речь – всё это примеры выражений, семантика которых так или иначе чувствительна к перспективе.

В формальной семантике естественного языка значение предложения эксплицируется как пропозиция (факт или положение дел), которая является множеством возможных миров, в которых предложение истинно. Значение отдельных выражений, входящих в состав простого предложения, раскрывается как тот вклад, который эти выражения вносят в пропозициональное содержание целого. При этом в его формировании участвуют компоненты перспективы каждого из этих выражений. Поэтому компоненты перспективы могут быть охарактеризованы как *параметры* интерпретации целого, т.е., не входя в его непосредственное содержание и не будучи артикулированы, они оказываются внешними условиями его интерпретации. В естественных языках существуют операторы, которые такую артикуляцию осуществляют, т.е. фактически управляют значением указанных составляющих и становятся компонентами значения целого, переставая играть роль внешнего параметра интерпретации.

Формальная семантика визуальных образов – это попытка построить способы их интерпретации с помощью инструментария теоретико-модельной семантики, используемой для интерпретации естественно-языковых выражений. Перспектива в них оказывается неотъемлемым компонентом, детерминирующим содержание. Однако вклад перспективы в значение изображения не всегда реализуется так же, как в случае с языковыми выражениями. При исследовании сходств и различий того, как происходит придание значения выражениям языка и визуальным образам, изображения, подобно предложениям, рассматриваются как носители пропозиционального содержания, отличаясь от них способом кодирования информации [Greenberg, 2013; Abusch, 2014]. Любое изображение может выражать множество разных положений дел. Например, одна и та же картинка изображает деревню настоящую и «потемкинскую», а картинка, изображающая ситуацию, в которой имеет место одна матрешка, может одновременно быть и изображением ситуации, в которой помимо исходной матрешки есть и другие, которых не видно за первой из точки взгляда на нее.

Линии проекции также могут задаваться по-разному: они могут сходитьсь в одной точке – в глазу наблюдателя, а могут быть параллельными друг другу, и тогда единого центра проекции, подобного глазу наблюдателя, нет; такая проекция называется орфографической. Наконец, важны правила маркирования, т.е. то, какими средствами в изображении представлены разные части объекта, например, когда грань геометрической фигуры показана черной линией и т.п. Эти три аспекта являются как параметрами функции, по которым сопоставляются изображение и некоторое пропозициональное содержание, так и элементами проективной семантики, которая позволяет

сопоставить изображение и те возможные миры (ситуации), которые с ним совместимы. В этом состоит придание изображению семантической интерпретации.

В ряде работ по семантике изображений указывается на то, что их корректная интерпретация должна включать также и конкретный центр восприятия [Ross, 1997]. Как было сказано выше, линии проекции могут сходиться в определенной точке, но могут и не сходиться (при орфографической проекции). Но наличие некоей точки зрения на изображение (независимо от проекции) тем не менее нужно. Эта потребность следует из исходного допущения, согласно которому изображения могут иметь пропозициональное содержание, т.е. выражать те же значения, что и предложения. И если фактор точки зрения присутствует в предложениях, формируя их значение, то его аналог должен присутствовать и в изображениях. Такие выражения, как «перед», «слева от» и др., значение которых чувствительно к точке зрения, выражают пропозиции, учитывающие эту перспективу. Если же такая точка зрения не учитывается в анализе изображений, то картине, на которой черный шар находится рядом с белым, можно будет приписать два содержания: «черный шар находится слева от белого», «черный шар не находится слева от белого». Интуитивно же это не так: изображение, на котором видны два шара, предполагает возможность приписывания истинности одному из двух приведенных выше предложений. Отсюда следует, что точка зрения есть необходимый параметр семантики изображений. Возникает вопрос: может ли она рассматриваться как полноправный аналог известной из литературы индивидуальной перспективы *de se*? Этот вопрос остается пока открытым, однако Дорит Абуш указывает на ряд значимых различий между механикой кодирования предложений, прочитываемых *de se*, и точкой зрения в анализе изображений [Abusch, 2020, pp. 19–20].

Отдельной областью сопоставления семантики визуальных образов и языковых выражений является сфера временных отношений в языковом дискурсе или в последовательности изображений. Известно, что дискурс как последовательность предложений может реализовываться через разные структуры. Таковы, например, наррация, объяснение и т.д. Так, при наррации каждое последующее предложение описывает отдельное действие из серии действий, последовательно разворачивающихся во времени, а при объяснении отдельное предложение описывает причины того, о чем шла речь в предыдущем [Hobbs, 1979; Asher & Lascarides, 2003; Altshuler, 2016]. Известен тот факт, что временное продвижение повествования в языке возможно при использовании событийных глагольных предикатов (совершенного вида), но не предикатов состояний, которые выражаются несовершенным видом [Partee, 1984; Altshuler, 2016]. Так, дискурс «Он вошел. Он сел за стол» состоит из двух предложений

с событийными глагольными предикатами и описывает последовательность событий, тогда как дискурс «Он вошел. Он был усталым» не описывает временную последовательность действий, так как состояние, описываемое во втором предложении, не следует, а пересекается во времени с действием, описанным в первом.

Последовательность изображений также способна описывать временные последовательности событий. Наиболее понятным примером являются комиксы как последовательности картинок. Однако, как указывает Абуш, особенность изображений заключается в том, что все они по своей природе *стативны*: они представляют либо какое-то состояние, либо какое-то действие (процесс). Однако комиксы понимаются нами как истории, разворачивающиеся во времени, и, следовательно, временная прогрессия в языковом и визуальном дискурсах не может реализовываться посредством общего инструментария [Abusch, 2014]. И если в языке ключевым элементом, обеспечивающим прогрессию дискурса во времени и некоторые другие его свойства, являются событийная структура глагола и его вид, то для визуального дискурса механика, обеспечивающая временную прогрессию, должна подразумевать некие более общие правила или установки при восприятии набора стативных изображений, которые не кодируются непосредственно в содержании изображения.

Последовательность «свободного восприятия» – это прием, который используется в комиксах и кино, когда на одном изображении человек куда-то смотрит, а на следующем показано то, что он видит. Это второе изображение обычно представлено с точки зрения смотрящего. При этом изображенное может либо представлять соответствующий срез мира истории в его подлинности, либо же, если, например, персонаж галлюцинирует или имеет особенности зрительного восприятия, представлять именно воспринимаемую персонажем картину. Изображения, представляющие то, что видит негаллюцинирующий агент, называются *веридикальными*, а изображения из восприятия галлюцинирующего агента – *неверидикальными* [Abusch, Rooth, 2017].

Для моделирования неверидикальных изображений в структуру визуального нарратива вводится дополнительный технический аппарат. Последовательность двух картинок, где первая предъясняет смотрящего на что-то персонажа, а вторая – то, что он воспринимает, дополняется скрытыми операторами, превращающими последовательность картинок в нечто структурно похожее на логическую форму сообщения о пропозициональной установке. Один из механизмов, которые необходимы для корректной интерпретации этой второй картинке, заключается в установлении анафорического отношения, благодаря которому перспектива во второй картинке задается точкой зрения субъекта с первой. Также среди скрытых операторов присутствует аналог интенционального глагола. Его присутствие позволяет

интерпретировать изображение, представляющее галлюцинацию, как не выражающее описание собственно мира истории. Также присутствие этих скрытых операторов обеспечивает важную связь между первым и вторым изображением, позволяя индивиду на первом играть роль дискурсивного референта, детерминирующего перспективу второго. Установление данных отношений и связей обязательно для корректной интерпретации описанной последовательности из двух изображений.

Содержание веридикальных изображений не отличается от мира истории, такие содержания восприятия прозрачны. При этом веридикальные картинки всё еще содержат перспективу героя, из которой на картинке представлен мир истории. Такая интересная особенность визуального нарратива требует сочетания содержания с точкой зрения перспективы субъекта, которая, в общем, остается вполне объективной. Это демонстрирует широкий выразительный потенциал визуального нарратива.

Элементы формальных подходов к семантическому анализу естественно-языковых выражений применяются и к анализу кино с целью выявления различий в возможностях кодирования информации в литературных произведениях и художественных фильмах. Известно, что по сравнению с киноповествованием литературное повествование обладает более богатым инструментарием для выражения тех или иных смыслов. Правила написания киносценариев включают использование абстрактных или оценочных выражений, объяснения мотивации действий тех или иных героев и т.п. Киносценарий представляет из себя набор сцен, где описываются конкретные действия персонажей и даны их конкретные реплики. Пояснения «со стороны», даваемые нарратором, которому принадлежит «голос за кадром», или иными средствами, служат здесь особым инструментом, применяемым для того, чтобы выстроить по отношению к визуальному ряду определенную перспективу.

Тема, которая обсуждается в панельной дискуссии номера, посвящена так называемому ненадежному нарратору, т.е. рассказчику, не вызывающему доверия. Эмар Майер в статье “Unreliability and Point of View in Filmic Narration” показывает, что задача представления ненадежного рассказчика в кино является для сценаристов и режиссеров весьма непростой и решается на уровне средств выражения, т.е. технически. Это выявляет еще один аспект различия между визуальным и языковым нарративами.

В литературоведении понятие о ненадежном рассказчике является одним из ключевых. Такой рассказчик ведет свое повествование от первого лица, но сообщает информацию объективно неверную. Другой формой рассказа можно считать безличный авторский голос, от которого по умолчанию мы ожидаем информации правдивой. Наконец, надежный или ненадежный рассказчик может сообщать нам

мысли другого человека. Языковые средства, используемые для этого, приспособляются нами к коммуникативной ситуации. Иногда применяется прямая речь и фраза заключается в кавычки, а иногда достаточно выбрать средства, которые позволяют достичь цели коммуникации между говорящим и слушающим вне зависимости от того, как говорящему дана его субъективная картина мира. Так, она может содержать специфический набор объектов, их свойств и отношений, а также способов именования, что создает большую проблему согласования между видением мира носителя установки и видением мира говорящего о ней. Фраза «К думала, что никогда не увидит N снова» в ситуации, когда К видит N, но не знает, что это N, порождает двусмысленность, т.к. К полагает, что не видит N, а рассказчик полагает, что К видит N. Два способа презентации N отражают две перспективы.

При переносе ненадежного рассказа, обремененного к тому же описанными языковыми проблемами, в визуальное повествование, например в кино, возникают два затруднения. С одной стороны, необходимо выработать прием, позволяющий дать понять зрителю, что в кадре представлено положение дел некоторого виртуального мира, т.е. такого, который мерещится или снится ненадежному рассказчику или же намеренно им создается. С другой стороны, следует ответить на вопрос о том, можно ли вообще применять характеристику «ненадежный рассказчик» к визуальному. Майер исследует этот вопрос с разных сторон и приходит к выводу, что позиции ненадежного рассказчика адекватна не атрибуция взгляда персонажу, достигаемая рядом приемов, а смешанная перспектива. Ненадежность рассказчика в той форме, как она выражается вербально, при переносе из вербального в визуальное не воспроизводится непосредственно. Здесь требуется столкновение миров, т.е. кадр, в котором «реальное» и «виртуальное», например, персонаж и вымышленный им же объект, присутствуют одновременно. Они одинаково действительны для зрителя в кадре, в котором, таким образом, возникает мир, позволяющий их сравнивать. Такой кадр, как полагает Майер, является аналогом предложения языка, в котором содержится двусмысленное именование, как, например, в известном примере Рассела «Я думал, Ваша яхта больше». По мысли Майера, в кадре должны появиться две яхты, и тогда зритель сможет зафиксировать два взгляда, две презентации объекта, два возможных мира, один из которых фиктивен по отношению к другому. Такая интерпретация требует как работы механизма семантики, определяющего значение фразы, так и работы прагматики восприятия, характеризующей возможный мир и ситуацию, в которой это можно сделать адекватно.

Идея Майера представляется весьма интересной прежде всего потому, что он предлагает искать перевод вербального в визуальное. То, что такого рода перевод стоит за семантикой возможных миров,

можно считать несомненным, но его полиперцептивный характер до сих пор не выявлялся и не становился предметом анализа, вероятно, потому, что киноповествование не исследовалось методами формальной семантики. Предложение Майера открывает для теории значения перспективу использования визуализаций как объектов специфической онтологии, а в сфере эпистемологической мы получаем доступ к полиперцептивным метафорам и аналогиям.

Подводя итог

То, что мы сегодня знаем о чувственном и содержательном аспектах восприятия, скорее подтверждает, нежели опровергает мнение Лейбница о том, что каналы ощущений и способность к восприятию во все не так плохи, они не predeterminedены к порождению фиктивных объектов и навязыванию ложных смыслов. К такому выводу можно прийти, отталкиваясь от сетевого характера научного и обыденного знания и от того сопряжения, которое существует между знанием, практической деятельностью и коммуникацией. В них задействовано множество индивидов и групп, между которыми происходит постоянный обмен информацией, обновляющей представления о том, что и почему следует считать существующим или истинным, как и какие восприятия интерпретировать, а какие считать иллюзиями.

Относительно взаимосвязи языковых явлений с восприятиями мы хотели бы выдвинуть два положения.

Во-первых, в значении сингулярного термина языка и в восприятии его десигната наблюдается одинаковое соотношение между непосредственно данным в чувстве и концептуальным. Указанное соотношение определяется не субъективными и не социокультурными факторами, а необходимыми семантическими и прагматическими зависимостями. При этом характер восприятия есть часть прагматики термина, которая задает условия семантической интерпретации.

Во-вторых, там, где обновление концептуального содержания терминов языка, или их теоретической «нагруженности», опережает по своей скорости обновление чувственного материала восприятий, возникают феномены с минимальным концептуальным содержанием. В языке им соответствуют сингулярные термины, возникающие в актах именованья наличных вещей. Что перед нами – это может оставаться вопросом, но то, что перед нами есть что-то, обладающее теми или иными качествами в зависимости от тех или иных условий наблюдения, обнаруживается с очевидностью. Семантический и прагматический анализ языка, доходящие до уровня его формализации, т.е. до универсальных формальных структур и механизмов установления значения, позволяют с известной точностью указать соответствующий

набор явлений. В результате в языковой среде при условии обновляющейся информации появляется возможность относительного обособления чувственных данных от концептуальных схем, место которых занимают эмпирические условия восприятия.

Список литературы

Бах, 2009 – Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике / Пер. и ред. О.А. Митрофановой и О.В. Митрениной. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.

Васильев, 2010 – Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон-плюс, 2010. 520 с.

Верлинский, 2002 – Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб., 2002. 412 с.

Галилей, 1987 – Галилей Г. Пробирных дел мастер / Пер. Ю.А. Данилова. М.: Наука, 1987. 272 с.

Долгоруков, Зевахина, Попова, 2020 – Долгоруков В.В., Зевахина Н.А., Попова Д.П. Введение в лингвистическую прагматику. М.: ВШЭ, 2020. 310 с.

Лейбниц, 1984 – Лейбниц Г.В. Об универсальной науке или философском исчислении / Пер. Г.Г. Майорова // Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 494–501.

Платон, 1971 – Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Соч.: в 4 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1971. С. 453–561.

Пономарёв, 2019 – Пономарёв А.И. Теория М. Тая о неконцептуальном содержании перцептивных переживаний // Дискурс. 2019. № 4. С. 18–26.

Эко, 2018 – Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: Alexandria, 2018. 432 с.

References

Abusch, 2014 – Abusch, D. “Temporal Succession and Aspectual Type in Visual Narrative”, *The Art and Craft of Semantics: A Festschrift for Irene Heim*, 2014, no. 1, pp. 9–29.

Abusch, 2020 – Abusch, D. “Possible-Worlds Semantics for Pictures”, *The Blackwell Companion to Semantics*. Wiley, 2020.

Abusch and Rooth, 2017 – Abusch, D. & Rooth, M. “The Formal Semantics of Free Perception in Pictorial Narratives”, *Proceeding of the 21st Amsterdam Colloquium*, 2017.

Altshuler, 2016 – Altshuler, D. *Events, States and Times: An Essay on Narrative Discourse in English*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016.

Asher & Lascarides, 2003 – Asher, N., Lascarides, A. *Logics of Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Bach, E. *Neformal’nye lektsii po formal’noj semantike* [Informal Lectures on Formal Semantics]. Trans. under ed. of O.A. Mitrofanova, O.V. Mitrenina. Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2009, 224 pp. (In Russian)

Dolgorukov, Zevahina, Popova, 2020 – Dolgorukov, V.V., Zevahina, N.A., Popova, D.P. *Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku* [An Introduction to Linguistic Pragmatics]. Moscow: HSE, 2020, 310 pp. (In Russian)

eko, U. *Poiski sovershennogo yazyka v evropejskoj kul'ture* [The Search for the Perfect Language]. St. Petersburg: Alexandria, 2018, 432 pp. (In Russian)

Galilei, G. *Probirnyh del master* [The Assayer]. Trans. by Y.A. Danilov. Moscow: Nauka, 1987, 272 pp. (In Russian)

Greenberg, 2013 – Greenberg, G. “Beyond Resemblance”, *Philosophical Review*, 2013, vol. 122 (2), pp. 215–287.

Hobbs, 1979 – Hobbs, J.R. “Coherence and Coreference”, *Cognitive Science*, 1979, vol. 3 (1), pp. 67–90.

Kripke, 1977 – Kripke, S.A. “Speaker’s Reference and Semantic Reference”, *Midwest Studies in Philosophy*, 1977, no. 2, pp. 255–276.

Leibnitz, 1984 – Leibnitz, G.W. “Ob universal’noj nauke ili filosofskom ischislenii”. Trans. by G.G. Majorov. *Sochineniya v chetyrekh tomah* [Works in 4 Vols.], vol. 3. Moscow: Mysl’, 1984, pp. 494–501. (In Russian)

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Attitudes De Dicto and De Se”, *Philosophical Review*, 1979, vol. 88 (4), pp. 513–543.

Nanay, 2010 – Nanay, B. *Perceiving the World*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Noë, 2004 – Noë, A. *Action in Perception*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2004.

Partee, 1984 – Partee, B.H. “Nominal and Temporal Anaphora”, *Linguistics and Philosophy*, 1984, vol. 7 (3), pp. 243–286.

Perry, 1973 – Perry, J. “The Problem of the Essential Indexical”, *Noûs*, 1979, vol. 13, pp. 3–21.

Plato, 1971 – Plato. Timej [Timaeus], in: *Sochineniya v chetyryoh tomah* [Works in 4 Vols.], vol. 3 (1). Moscow: Mysl’, 1971, pp. 453–561. (In Russian)

Ponomaryov, 2019 – Ponomaryov, A.I. Teoriya M. Taya o nekonceptual’nom soderzhanii perceptivnyh perezhivaniy [Tye’s Theory of the Unconceptual Content of the Perceptual Mental State], *Diskurs-Discourse*, 2019, no. 4, pp. 18–26. (In Russian)

Potts, 2009 – Potts, C. “Formal Pragmatics”, in: L. Cummings (ed.). *The Routledge Encyclopedia of Pragmatics*. London: Routledge, 2009, pp. 167–170.

Ross, 1997 – Ross, J. *The Semantics of Media*. Kluwer, 1997.

Schwager, 2011 – Schwager, M. “Speaking of Qualities”, *Proceedings of SALT*, 2011, vol. 19, pp. 395–412.

Tye, 2006 – Tye, M. “Nonconceptual Content, Richness, and Fineness of Grain”, in: T.S. Gendler, J. Hawthorne (eds.). *Perceptual Experience*. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 504–530.

Vasilyev, V.V. *Filosofskaya psihologiya v epohu Prosveshcheniya* [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]. Moscow: Kanon-plyus, 2010, 520 pp. (In Russian)

Verlinskij, A.L. *Antichnye ucheniya o vznikenii yazyka* [Ancient Theories about the Origin of Language]. St. Petersburg, 2002, 412 pp. (In Russian)

Yalcin, 2021 – Yalcin, S. “Context-Sensitivity by Way of Parameters”, *Oxford Studies in Philosophy of Language*, vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 267–304.